

Д Ж У Л И Я Л И О Н Е

18+

ПРАХ БАРСЕЛОНЫ

СТАРИННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ХРАНИТ
СВОИ МРАЧНЫЕ ТАЙНЫ

Джулия Лионе
Прах Барселоны
Серия «Клуб Данте.
Интеллектуальные триллеры»

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74646371
ISBN 978-5-04-256433-8

Аннотация

Старший инспектор Тео Кастани, в прошлом священник, и его помощница Джоана Морера видят, как студент Барселонского университета собирается выпрыгнуть из окна, снимая себя на камеру телефона...

Полицейских внедряют в среду студентов. Их курирует профайлер Гаэль Солер. Они должны выяснить, что за клуб «игроков навывлет» действует на территории университета. Пять смертей за два года!

Расследование приводит к психиатрической больнице Санта-Крус, закрытой в 1987 году, в которой исследовали пределы человеческой памяти, а следом – к сектантам, которые верят, что Данте – это реинкарнация Иисуса.

Как связан университет и психиатрическая больница? Неужели кто-то продолжает медицинские эксперименты поныне? Или действует целая секта, манипулирующая молодыми людьми?

Чтобы поймать преступников, Тео Кастани придется самому стать пациентом таинственного злого гения, который доводит студентов до смерти.

Джулия Лионе исследует природу памяти, идентичности и манипуляции сознанием через историю полицейского расследования, в котором границы между жертвой и палачом, терапией и пыткой, реальностью и внушением стираются под воздействием экспериментов с человеческой психикой.

Содержание

I	8
II	23
III	47
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Джулия Лионе

Прах Барселоны

© Лионе Д., 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

*Извилист путь метаморфоз грядущего-былого:
Забвение одному, но гениальное безумие другому.*

* * *

Мрак, гул в голове, как в стенах со звукопоглощающими панелями. Тео втянул носом затхлый воздух. Пахло сырой землей, гнилью, плесенью и ржавым металлом. Под ним холодный, жесткий стул с подлокотниками, он привязан или пристегнут чем-то довольно мягким. Бинтами? Ремнями?

Ничего, бинты легко расшатать. Спешить некуда: позади вечность, впереди вечность...

Он попытался дотянуться плечом до уха, чтобы нажать на козелок и включить связь с младшим инспектором Джоаной Морера через микронаушник. Не вышло. Стал раскачивать-

ся, чтобы ослабить оковы, но стул, кажется, прикручен к полу. Где же он? Подвалы бывшей психиатрической больницы Санта-Крус? Ночной клуб «Данте»? Нет, это не в ночном клубе, тот ведь находится на семнадцатом этаже бизнес-центра в квартале Диагональ-Мар.

Он начал мерзнуть. И воспоминание о том, как ему мило-стиво рекомендовали теплее одеться перед процедурой, насмешило. На Тео были водолазка и джинсы, на ногах – кроссовки. Но он не мог этого проверить. Оставили ли ему его одежду? Мрак, полный мрак, тишина сплющивает голову, он будто в открытом космосе. В карман джинсов вшит маячок, который сейчас неактивен. Джоане нельзя знать, где он, иначе примчится раньше срока. Он вспомнил ее каштановые кудри, большеглазое лицо, улыбнулся. Она его не сдала комиссару... Хотя должна была.

Надо выдержать. Все десять дней. Как было прописано в договоре. И только потом разоблачить убийцу.

Он пустит видеотрансляцию отсюда по центральным каналам Испании. Поручили Тео Кастани разгрести это? Получайте!

И он опять принялся раскачивать стул и расшатывать бинты. Или это все же ремни? Стул даже не сдвинулся. Наверное, он вбит ножками в землю – и глубоко. Тео двигал руками, ногами, извивался всем телом, пока в области локтевого сгиба не пронзила острая боль. Ага, капельницы все же подключили. Он случайно выдернул из канюли шланг, сдвинул

иглу под кожей, и теперь какая-то прохладная жидкость заливала руку.

Интересно, ему вернут его питание? Что это было? Глюкоза? Физраствор? Или яд?

Спустя какое-то время – сложно сказать, через час или сутки, потому что в полнейшем мраке, тишине и без движения оно течет по иным законам: по законам больного сознания – Тео отключился. Но успел поймать ощущение засыпания. Оно показалось ему неестественным, но приятным. Сколько себя помнил, он никогда не мог нормально спать, почти не испытывал потребности во сне. И засыпал, лишь приняв лекарства, которые срубали с ног. А здесь он ощутил – впервые за много лет – приятную тяжесть тела, ощущение погружения в невесомость. Ему ввели какое-то вещество во второй катетер? Или люди так обычно и засыпают?

I

Крепость Монжуик

Тео Кастани – старший инспектор Центрального отдела убийств «Моссос д’Эскуадра» – был безэмоциональным роботом. Иногда Джоане казалось, что он не человек, а искусственный интеллект. В глазах застывшее выражение сосредоточенности, будто он решает шахматную задачу. Не всегда отвечает, когда к нему обращаются, если и говорит, то механически, смотрит сквозь. Это человек, совершенно не способный ни на какие чувства.

Когда они стали напарниками, Джоана пыталась вывести его на разговор, но Тео был как угорь: умел отвечать на вопросы, не отвечая на них, и виртуозно уходил от темы. Он был крутым копом – видел всех насквозь, мастер мягкого допроса, сотни раскрытых дел, в том числе несколько серийников. Но все, что Джоана о нем знала: он когда-то учился в семинарии, готовился стать священником и даже стал им на короткое время. А еще он обладал феноменальной памятью и хорошо разбирался в компьютерных технологиях, так что Отдел киберпреступности постоянно обращался к нему за консультациями.

Сегодняшний их выезд был необычным – они в штатском, едут по канатной дороге на гору к крепости Монжуик. Но

Тео Кастани ничего толком не объяснил. Это дело было из разряда срочных. А из него и пары слов не вытянешь! Между прочим, младший инспектор тоже должен быть в курсе деталей!

Сидя в кабинке канатной дороги, Джоана украдкой глянула на смартфон старшего инспектора. Чем он там занимается? Но тот клеил на экран защитную пленку – невозможно что-либо разглядеть со стороны. Светловолосая голова, расчесанная волосок к волоску, черная выглаженная футболка поло, темно-синие джинсы – он, даже одевшись туристом, выглядит как профессор Гарварда. Не зря по нему сохли все дамочки следственного отдела – Тео был хорош собой, даже слишком.

«Ну и бог с ним!» – мысленно отмахнулась Джоана, устыдившись своих мыслей. Она повернулась к стеклу, за которым вся Барселона раскинулась как на ладони. Вдали таяло разноцветное колесо обозрения столетнего парка аттракционов Тибидабо, под ногами – кладбище, ползущее по склону горы Монжуик, и шестисотлетняя крепость-форт на самой ее вершине.

Мощными стенами с массивными квадратными башнями, увитый диким виноградом, сквозь плотные ветви которого проглядывали узкие окна-бойницы, форт был повернут к морю.

Ко входу вел гигантский мост, перекинутый через заросший травой ров. И чтобы до него добраться, нужно пересечь

пышный парк с платанами, кипарисами и буйно цветущими олеандрами – в воздухе плавал острый дух цветения. Внутри крепости душно от сырости и пахло плесенью. Под арочными сводами с оголенной каменной кладкой свисали цепи и шестеренки подъемного механизма, покрытого ржавчиной и паутиной.

– Во времена Гражданской войны и периода правления Франко это место было тюрьмой для политзаключенных, – буркнул Тео, когда они пересекали ров. – Здесь пытали людей.

Шагая по темным сырým переходам, они встречали редкие и скучные экспонаты. В одном зале выставлены полотна современной графической живописи, в другом – выставка, посвященная жертвам ковида. Тео шагал уверенно, а Джоана следовала за ним. И ни одного туриста. Видимо, готовилась операция, надо быть настороже. Что-то не столь серьезное, раз Тео не велел брать табельного оружия и они оба без бронежилетов.

В узком зале с доспехами стало немного светлее – каждые десять метров окна-бойницы. В некоторые вделаны трехсот-летние решетки, но иные были с современными стеклопакетами, хорошо имитировавшими деревянные рамы.

В таком окне и оказался парень лет двадцати. Пухленький, с высветленными дредами, прихваченными на затылке в пучок, в клетчатой рубашке и джинсах, он горбился под аркой невысокого проема, высунувшись головой наружу, и

смотрел вниз, обеими руками держась за глубокие откосы.

Джоана невольно посмотрела на Тео. Тот замер на полушаге, глаза загорелись.

Заметив присутствие кого-то позади себя, странный турист обернулся. Обзору мешал низкий откос. С его губ сорвалось ругательство, он чуть согнулся, чтобы получше разглядеть пришельцев. Тео, подняв ладони, улыбнулся.

– Привет! Ты чего туда залез? – спросил он и скользнул ближе.

– Вид отсюда красивый, – ответил парень. – Идите куда шли. Я сторис снимаю.

– Э, тут же камеры повсюду. Ты блогер, что ли? – Тео опустил руки, пододвинул левую ногу на шаг к нему, каким-то волшебным образом став к парню ближе на целый метр.

– Блогер, да. – Парень стоял вполоборота, бросая поверх плеча злобные взгляды.

В другом конце коридора слышались голоса туристов, кто-то рассмеялся. Тео, Джоана и незнакомец замерли, не дыша. Звуки смолкли.

– Помочь? Мы могли бы тебя снять отсюда. Классный был бы видос, – опять заговорил Тео. Джоана украдкой глянула на него – умел ее начальник входить в роль. Было странно слышать молодежный сленг от человека, который ходил в церковь, постоянно молился и разговаривал так, будто перечитал Диккенса.

– Не надо. Идите мимо!

– А что за контент? Тревел?

– Да пошел ты! Сказал же! Вали!

Тео вцепился в пояс джинсов парня и втянул его внутрь залы. Тот едва успел пригнуться под откосом, извернулся в полете, попытался уцепиться за раму, но пальцы соскользнули. Он тяжело рухнул на пол, ударившись подбородком о плитку, тут же отключился, и под ним стала растекаться кровь.

Лицо Тео перекосило от изумления. Он шагнул к нему, стараясь не наступать на края быстро росшей в размерах лужи, опустился на колени, застыл, решая, что делать. Кровь продолжала ползти по каменной кладке.

– Он головой ударился, – прошептала Джоана.

– Ага, – отозвался Тео тоже шепотом. – А кровь хлещет из-под плеча.

– Зачем было вообще его трогать? – зашипела Джоана. – С чего ты взял, что он вздумал покончить с собой?

– Только не говори, что ты не подумала того же.

– Блин, мы его убили...

Тео достал из переднего кармана джинсов медицинские перчатки, подцепил парня за плечо, перевернул на спину. Тот шмякнулся о пол затылком, голова безвольно качнулась, рука легла у кроссовок Джоаны. Она ахнула – рубашка и футболка залиты кровью. Тео приподнял край клетчатой полы и вынул из-под нее красный, повисший, как жухлый лист, полиэтиленовый пакет.

– Это что такое? – пробурчал он, отбрасывая его в сторону. Приложил пальцы к шее, где под скулой билась сонная артерия, пробурчал: «Жив», – и принялся обыскивать, достал бумажник, распахнул, вынул несколько карточек.

– Самюэль Гомес Лозано, студент факультета математики и информатики Университета Барселоны, второкурсник, две тысячи второго года рождения.

Тео вложил бумажник обратно в карман джинсов странного парня, поднялся и направился к окну. Перевесившись через подоконник, попытался что-то достать. Но не вышло, пришлось вылезти целиком.

С той стороны стена была почти отвесной, полностью увитая лозами дикого виноградника. Тео исчез надолго, Джоана обогнула лежащего студента, подошла к окну. Откосы будто фантастического цветка, выложенные узким кирпичом, расходились в стороны. Кладку с края оплетали ветви. Тео Кастанни было не видать.

Внезапно показалась его светловолосая голова. В руке он сжимал телефон в черном чехле, густо обклеенный скотчем.

– Я бы ни за что не поверил, что молодой человек двадцати одного года отроду ходит без телефона, – проговорил он на выдохе, подтянулся и вполз внутрь. Его одежда была в пыли и сухих листочках.

Присев рядом с парнем, Тео поднес экран к лицу, разблокировал и минуты две исследовал внутренности.

– Ничего. Стер все... Но он хотел снять свой прыжок. И,

судя по тому, что на видео тридцать минут хронометража, собирался с мыслями долго.

В эту минуту парень закричал, мотнул головой и разлепил веки. Тео быстро стянул за спиной перчатки и сунул их вместе с телефоном в задний карман джинсов. Секунд пятнадцать оба смотрели друг на друга в немом недоумении.

– Слушай, парень, ты нас напугал, ясно тебе, нет? – сказал ему Тео. Вышло совершенно искренне.

Тот заморгал, приходя в себя. Взгляд, невидящий, мутный, скользил по стенам, по стоящим над ним Тео и Джоане, ничего кругом не узнавая.

– Зачем ты хотел это сделать? – Тео протянул ему ладонь. – Здесь ведь не так уж и высоко... Упал бы в траву, только кости переломал.

Парень принял руку, приподнялся, сел, привалившись спиной к стене, подтянул пухлое колено к груди. Джоана смотрела на него в недоумении. Почему Тео не спросит про кровь из пакета. Или что это было? Имитация крови? Кетчуп? Вино? Краска?

– Где мой телефон? – Парень стал шарить по бокам рукави.

– Успел выронить, да? – Тео присел напротив него на корточки, заглянул в лицо, проверяя, как сильно тот треснулся головой. – Слушай, ты не должен этого делать. Что бы ни случилось, все можно поправить. Только из одного места на земле нет выхода – из могилы. Слышишь?

Парень провел ладонью по лицу, сметая наваждение.

– Что, хреново теперь? – Тео не отставал. У Джоаны округлились глаза. Она впервые слышала, как ругаются бывшие священники.

– Тошнит... – Парень провел языком по губам, а потом по зубам.

Лицо Тео потемнело. Он будто увидел саму смерть. Джоана вдруг поняла, что эта встреча не случайна, что Тео действует уж как-то слишком слаженно и оперативно, будто по какому-то плану. Это было то самое дело, в которое ее не посвятили!

– Давай я скорую вызову? – не отставал от него Тео. – Походу, у тебя сотрясение. С этим шутки плохи.

– Не, не надо.

– Слушай, чувак, я в прошлом году тоже головой треснул-ся. И мне врач сказал, надо постараться вспомнить весь день до падения. Что с утра было, куда потом пошел, что ел на завтрак, все такое. Иначе механизм памяти застрянет.

Студент поднял на Тео лицо – бледное, как бумажный лист, в глубине взгляда натужное старание припомнить хоть что-то. И он опять провел по зубам языком, причем попытавшись достать до самых дальних моляров. Джоану прошибло неприятное предчувствие. Трещина челюстной кости? Выбил зуб?

– Эй, посмотри на меня. – Тео обхватил его голову руками, заставив поднять на себя глаза. – Точно не нужна скорая?

– Нет.

– А зовут тебя как?

– Сэм.

– Сэм, сколько тебе лет?

– Двадцать один.

– Ты работаешь? Учишься?

– Учусь.

– Студент, что ли?

В глазах Самюэля вдруг вспыхнул первобытный ужас, брови приподнялись, напряглась шея, он вжался в стену. Значит, его намерение броситься из окна связано с учебой. Но сейчас начало сентября и учебный год еще не начался. Что его могло так напрячь?

– Что-то случилось? Вспомнил о чем-то? – Тео не убирал рук с его головы. Джоана видела, что старший инспектор пытался быть спокойным, но в голосе звенело напряжение, будто он держал в руках бомбу с часовым механизмом, на котором шел обратный отсчет. Она кожей чувала близкую опасность, но не могла понять, откуда та исходит, как вдруг парень сделал странное движение губами, будто втягивал сок через соломинку.

– Нет! – крикнул Тео, живо оседлал его колени и попытался протиснуть большие пальцы ему в рот. – Не делай этого! Все еще можно исправить. Все поправимо. Пока ты жив, все можно исправить. Сэм, слышишь? Не вздумай! Это плохая смерть, будет больно, будешь долго мучиться, все внутрен-

ние органы себе сожжешь. Не делай этого!

Узкое пространство коридора наполнилось отзвуком то-ропливых шагов. Во взгляде Самюэля Лозано вспыхнула паника.

– Нет, нет, нет! Все хорошо! Тебя никто не тронет, – за-частил Тео, давя одной рукой на затылок, другой не давая сомкнуть челюсти – так обычно заставляют ребенка выплю-нуть проглоченную монетку.

Джоану вдруг оттолкнули. Она отскочила в сторону, про-пуская мужчину с аккуратной бородкой, темными волоса-ми с проседью, в светлых брюках и розовой рубашке с зака-танными по локоть рукавами – по виду турист. А потом она узнала в нем главного инспектора Ивеса Вилу! Если началь-ник отдела здесь – дело серьезное.

Лицо напряженное, губы плотно сжаты. Он устремился к Тео.

И в эту минуту парень с силой стиснул зубы. Раздался странный хруст, точно он разгрыз леденец.

– Меня все равно заставят, – услышала его шепот Джоана.

Тео швырнул его на бок, залез пальцами в рот и попытал-ся что-то оттуда извлечь. Парень размахивал руками, бры-кался, кашлял и мотал головой. Инспектор Вила оседлал его сверху, надавив на локти и плечи, не давая бесконтрольной мельнице рук помешать Тео.

– Врача! Врача! – сжав на секунду ухо пальцем, прокричал Вила. – Морера, воду! – бросил он Джоане через плечо.

Она выгребла бутылку из рюкзака и машинально протянула главному инспектору. Гул топота – и она оказалась окружена черными фигурами полицейских. У ног парня опустилась женщина в джинсах, футболке и с медицинским чемоданчиком.

– Какого вы используете воду? – орала она. – При подозрении на цианид?

Все трое, стоя на коленях, мешая друг другу, путаясь руками, торопясь, пытались спасти несчастного. Бесполезно. Парня скрутило, он покраснел, руки и ноги свело судорогой, изо рта лилась вода пополам с густой пеной. Он задыхался, закатывал глаза и бился в руках Тео. Кастани пытался обездвигнуть его, пока женщина прижимала к его лицу мешок Амбу.

Наконец парня оставили в покое, он затих, завалившись на бок. Врач прощупала пульс, поднялась, констатировала смерть. Главный инспектор, оглядев свои рубашку и брюки, перепачканные кровью и рвотой жертвы, выругался.

Тео некоторое время стоял на коленях и тщетно пытался нащупать под скулой студента пульс. Потом замер, закрыв глаза. Правая рука поднялась и очертила в воздухе над трупом неполный крест.

– In nomine Patris... – прошептал он. – Et Filii, et Spiritus Sancti. Amen.

Тяжело поднялся и привалился спиной к стене. Все молчали.

– Почему вы не предупредили, что они используют цианид? – глухо спросил он.

– Потому что никто об этом не знал! – огрызнулся главный инспектор. – Почему вы не догадались? Вы же такой из себя гений!

– Я догадался! Но знаете ли, не придумал ничего лучше, чтобы за оставшиеся секунды заставить его выплюнуть капсулу, как сунуть ему пальцы в рот. Вы налетели и помешали мне!

Тео повысил голос. Вила притих, шокированная Джоана вжала голову в плечи.

Врач мрачно молчала, отошла на значительное расстояние, достала сигарету и чиркнула зажигалкой. Вила прижал на секунду руку ко лбу, с шумом выдохнул и, вынув из кармана жетон, повесил на шею.

– Что он сказал? – спросил он тише.

Джоана смотрела на несчастного мертвого студента, безжизненно замершего в окружении ног в черных ботинках. До сознания, что он мертв, доходило с трудом. В конце длинной залы показалась толпа туристов, привлеченная громкими криками. Но несколько полицейских, дежуривших у входов, преградили им путь.

– Почти ничего. – Тео убрал руки за спину, опустил голову. – Я стащил его с подоконника, он упал, ударился головой, отключился. Потом пришел в себя, плавал в прострации. Когда я начал его спрашивать, чем занимается, учится

ли, он оживился. Глаза... В глазах вдруг вспыхнул животный страх. И он принялся выковыривать языком капсулу.

– Где он только такую достал, чтоб его! – процедил сквозь зубы главный инспектор.

– Через Darknet можно достать все что угодно.

– Не сомневаюсь, что вам хорошо это известно. – Вила окинул Тео взглядом василиска. – Что он собирался сделать? Просто из окна выброситься?

Тео достал из заднего кармана телефон жертвы и протянул ему.

– Он прикрепил это к веткам и стене снаружи. Передняя камера снимала траву на дне рва. Собирался запечатлеть свое падение. И для этого ему понадобился пакет с кровью под рубашкой.

– То есть он не хотел совершить самоубийство? Он собирался имитировать его?

– Он проронил что-то вроде, что его все равно заставят.

Главный инспектор скривился:

– Черт! Мы его потеряли! Поверить не могу...

Тут полицейские расступились. Появился Гаэль Солер – криминальный аналитик отдела убийств, профайлер. Тоже одетый в штатское – джинсы, футболка.

Он взлохматил короткостриженные темные волосы, сощурил глаза, мысленно готовясь, и присел к мертвому.

– Все-таки он это сделал, – выдохнул он, уголок рта привычно дернулся в усмешке – но это не потому, что Гаэлю бы-

ло смешно. Он всегда так делал, когда нервничал. Оглядел труп, глянул на инспекторов снизу вверх, достал перчатки и указал ими на рукав студента. – Кровь, скорее всего, его.

Ивес Вила был еще очень зол, покосился на Гаэля.

– Он не мог взять кровь у себя сам, – продолжал профайлер. – Это сделал кто-то другой. Попасть себе в вену – редкое умение, свойственное лишь медикам и наркоманам. Перед нами ни тот ни другой. Также кто-то помог ему приклеить на скотч телефон там, снаружи стены. Сам он с такой комплекцией вряд ли бы это исполнил. Кто-то должен был увезти его покалеченное тело.

– Да там падать невысоко! Всюду клумбы с цветами и трава. – Ивес Вила стал нервно жестикулировать.

– Вот именно. Он не должен был умереть по-настоящему. Только лишь для соцсетей и мира.

– Бред! Прежде ничего подобного они не исполняли...

– Возможно. А этот вознамерился. Но не так хорошо все продумал. Он был с компаньоном... который тоже, кажется, умом не блещет. Прочешите крепость, где-то поблизости может скрываться его сообщник.

Ивес Вила сделал знак полицейским, раздалось шипение раций – передавали приказ тем, кто занимал посты по периметру.

– То есть он собирался... притвориться мертвым? Так, что ли? – скривился он. – А как на это посмотрят родные? Думаете, легко разыграть роль пропавшего без вести? Видео с

распростертым в луже крови телом и все? А куда это тело потом делось? Такое мог придумать только ребенок!

– Я напишу это в своем отчете, – отрезал Гаэль, поднимаясь. – Зовите криминалистов. Ректор ждет нас в университете, я говорил с ним утром.

Главный инспектор смотрел на него угрюмо.

– Да, мы его потеряли, – сказал Гаэль, – бессмысленно заниматься самобичеванием. Цианид – совершенно новая деталь, никто не мог предугадать.

II

Университет

Черный «Альфа-Ромео Джулиа», за рулем которого сидел Тео, остановился на Университетской площади напротив трехэтажного, каменного, точно крепость, утопающего в зелени здания. Глухие стены его оживляли ряды арочных окон и квадратные башни, одна из которых увенчана часами с римскими цифрами и небольшой колокольней.

Джоана вышла из машины и замерла перед входом, оглядывая портал сверху вниз. Треугольный шипец, каменное кружево на восточный манер под скатом крыши, герб и круглые барельефы-портреты ученых мужей времен Эразма Роттердамского. Окна бликовали на солнце. Кое-где следы граффити. И три высокие арки дверей со сбитыми порогами и медными ромбами на дереве.

Вид портала только вереница припаркованных байков и велосипедов, тянущаяся до угла площади с улицей Арибау.

– Каталонская готика, – восхищенно проронил Гаэль и шагнул внутрь. Джоана устремилась за ним. Тео шел позади, мрачный, как грозовая туча – он еще не отошел от смерти студента.

Внутри темно и прохладно, как в храме. Своды потолка стекали в пучки колонн, образуя бесконечные каменные ар-

ки с чугунными фонарями. Край вестибюля слегка высветляли лучи полуденного солнца, льющегося сквозь высокие витражи из цветного стекла. Пол – старинный, каменный. В глубоких нишах – статуи монахов-ученых, философов и гуманистов. Время было еще не учебное, и стояла какая-то священная тишина.

– Средневековые архитекторы умели влиять на умы посредством магии пространства, да? – сказал Гаэль. Его голос отразился эхом. – Чувствуешь, как нечем стало дышать? Идешь под этими сводами и боишься вдох сделать, чтобы не нарушить покой и порядок учебного заведения с историей в пять сотен лет.

Джоана кивнула, устремив взгляд на широкую мраморную лестницу с ажурной балюстрадой, ступени ее были покрыты красной дорожкой. Над центральным пролетом – два тканых ковра: золотой с ангелом в центре и ярко-алый с гербом университета.

Они поднялись, прошли по холлу второго этажа с полом из серо-белую шашечку мимо ряда дубовых дверей высотой метра в два, проемы которых охраняли гигантские скульптуры стражников. Всюду островки красных креслиц, на стенах живописные полотна. Некоторые двери были распахнуты, можно было разглядеть стены аудиторий, обитые алым бархатом, хрустальные люстры и убегające вверх лакированные парты.

– Это прямо Хогвартс какой-то! – прошептала восхищен-

ная Джоана.

– Моя альма-матер. Учился здесь до академии¹, – улыбнулся Гаэль.

Дальше лестница расходилась на два пролета. Раздались нетерпеливые шаги.

– Эстеве Пальярес уже здесь, – глухо напомнил им Тео, обогнав их.

За ним, бросив угрюмый взгляд, прошагал Ивес Вила с руками, опущенными в карманы. Джоана впервые видела этого человека вне своего кабинета. По ее спине пробежал холодок – дело предстояло непростое.

На третьем этаже их встретила женщина со строгим лицом, коротким темноволосым каре, в блузке и длинной юбке-карандаш. С шеи свисли очки на шнурке. Она приподняла их на секунду к глазам и тотчас опустила.

– Добрый день! Я представляю ректорат. Меня зовут Мариза Саррио, вице-ректор по коммуникации и координации, профессор математики, преподаю здесь коммутативную алгебру. Ректор Эстеве Пальярес сейчас присоединится к нам. Это ужасно! Пятая смерть за два года. Невозможно поверить. Я слышала, что вы уже готовы предложить решение.

Все обменялись рукопожатиями и вошли в небольшую аудиторию – стены обшиты наполовину деревом, наполовину темно-вишневым бархатом, между окнами с толстыми де-

¹ Институт общественной безопасности Каталонии (здесь и далее – примечания автора).

ревянными рамами картины на евангельские сюжеты, под ногами паркет во французскую елочку, у дальней стены ровной линией столы-конторки лакированного дуба, а справа от двери аккуратно сложенные складные стулья.

Все, кроме Тео, расселись вокруг конторок, взяв себе по стулу.

Минут через десять вошел высокий, худой и загорелый человек лет шестидесяти с копной седых волнистых волос. Синий костюм идеально сидел на подтянутом теле.

Джоана сразу узнала его по фото из резюме, которое Гаэль успел показать еще в машине.

Ректор Университета Барселоны, бывший генеральный секретарь Межвузовского совета Каталонии, два высших образования – нейрофизиология и психиатрия, профессорское звание и премия в области мозга, которую ему вручил лично король Дании. Сеньор Пальярес был практикующим психотерапевтом. Джоана поймала его взгляд светло-серых, почти прозрачных глаз, сверкнувших за тонкими стеклами прямоугольных очков, и, почему-то смутившись, поспешила опустить голову.

– Добрый день! – проговорил Эстеве Пальярес густым баритоном с хрипотцой. Он присел прямо на конторку, слегка сдвинул очки на лоб, устало провел рукой по гладковыбритому лицу. – Страшная новость...

Он еще немного помолчал, опустил руки, сцепил пальцы и посмотрел на Тео Кастани. Тот стоял темной тенью у окна,

скрестив на груди руки, глаза в пол. Нечасто Джоана видела своего начальника в таком подавленном состоянии.

– Хаиме Соспедра, 2000 года, из Манресы, филологический факультет, – без всякого вступления начал ректор. – На летних каникулах после первого курса исчез, связь с друзьями и родственниками не поддерживал. Последнее эсэмэс матери: «Я на пляже в Бадалоне». После каникул внезапно бросил учебу и устроился на кухню в отель «Артс». В сентябре 2021-го выкрал карту номера на одиннадцатом этаже, выбросился из окна.

Джоана беззвучно ахнула.

– Пабло Серрано, 2001 года, из Матаро, филологический факультет, специальность романская филология, собирался посвятить жизнь каталонскому языку, – глухо продолжил ректор. – Пятый сын в семье. Отец – владелец Limpieza Incendios – уборка дома, мойка машин. В октябре 2021-го пропустил начало семестра. Неразговорчивый, закрытый, но исполнительный. Повесился в квартире женщины, у которой снимал комнату. Мариша Кольядо, 2001 года, из Валенсии, факультет филологии. Родители – адвокаты, запихнули дочь, лишь бы с глаз долой. Почти не училась: ночные клубы, вечеринки. В январе этого года вскрыла вены на пляже в Барселонете. Сара Мартинес, 2002 года, Кастельдефельс. Жила с матерью-одиночкой. Математический факультет. Никаких странностей, интересовалась алгебраической геометрией. В марте этого года выпила бутылку уксуса, до больницы не до-

везли.

Он выдержал паузу. Тишина была густой и тяжелой, Джоана ощутила тошноту.

– А теперь и Самюэль Лозано... 2002 года, из Валенсии, математический факультет. Множественные попытки уйти из жизни... Капсула с цианидом. Сегодня вечером предстоит посетить семью этого бедного мальчика.

Он сжал пальцами глаза, Джоана успела заметить слезы.

Ножки складного стульчика скрипнули о паркетный пол, поднялся Ивес Вила. Замер, собираясь что-то сказать, но вместо этого стал нервно засучивать рукав рубашки, расправлять и закатывать его вновь. Лицо зеленое и до того напряженное, что Джоане стало его жалко.

– «Моссос д'Эскуадра» в моем лице и лице комиссара Фернандо Гонсалеса приносят свои извинения за то, что мы... – он набрал воздуха в грудь, – не успели! Не успели помешать... позволили студенту погибнуть, – выпалил он. Заметив, что совершает бесконтрольные движения руками, он скрестил их на груди, тотчас расплел и обнял одной рукой другую, пальцы продолжали потирать локоть. Это были жесты самоочищения. Ивес Вила нервничал.

Откашлявшись, он продолжил:

– Мы могли бы его задержать за неподобающее поведение в общественных местах, упечь в клинику... тем самым избежав того, что в итоге случилось.

– Будьте любезны объяснить. У вас была возможность от-

править его в клинику? – недоуменно воззрилась вице-ректор, подняв к глазам очки. – Вам было что-то известно? Он казался нездоров?

– Нам стало известно, что Самюэль Лозано за три месяца до сегодняшних печальных событий изменился в поведении, стал нервным, страдал бессонницей и даже пропадал на несколько недель. Явилась в участок его подруга, тоже студентка. Она и предупредила, что Самюэль собирается покончить с собой.

– То есть вы об этом знали? – всплеснула руками Мариза Саррио, округлив глаза.

– Да. С тех пор, как открыли дело, мы ведем постоянное наблюдение за университетом. Мы раздали визитки инспекторов и просили, если будет происходить что-то странное, необычное, то...

– Это я знаю! – нетерпеливо прервала его женщина. – Но вам было известно, что Лозано собирался покончить с собой.

– Прямо он об этом не заявлял, – замялся главный инспектор. – Его подруга сообщила, что дважды заставляла его за странным занятием. В первый раз он ставил свой телефон на видеозапись и готовился топить в ванне. Во второй – выкрал у своего отца какие-то таблетки от давления и пил их на камеру – те не подействовали, его вырвало. А три дня назад его сняли с моста Калатравы². И там тоже он пытался за-

² Сантьяго Калатрава Вальс (р. 1951) – испанско-швейцарский архитектор и скульптор.

печатлеть свое падение на телефон. Прежние студенты, которых нашли мертвыми, не совершали ничего подобного, – продолжил он. – Мы решили установить слежку, чтобы понять его мотивы.

– Что еще поведала вам его подруга? – насторожилась вице-ректор.

– Самюэль несколько раз заговаривал с ней о том, что не прошел какое-то испытание. В университетской среде гуляет легенда о некоем ритуале или игре, которая действует якобы с незапамятных времен. Он пытался ей объяснить, мол, раз в какой-то период времени один из участников должен публично расстаться с жизнью. Причем фразу «публично расстаться с жизнью» он соединил со словами «это не то, что ты думаешь, не волнуйся, все будет хорошо». Эта информация тоже была для нас новой. Что за игра, мы пока не знаем, нам требуется это выяснить.

Джоана поморщилась. Инспектор трусливо прятался за словом «мы». Мы склонны употреблять местоимения множественного числа, когда хотим уйти от ответственности. Ведь если говоришь: «Мы не смогли», «Мы не знаем», «Мы виноваты» – это не так бьет по самолюбию и психическому здоровью, как «я не смог» и «я виноват».

– И вы решили рискнуть жизнью студента, чтобы посмотреть, куда выведет вас эта ниточка? – Мариза Саррио оглянулась на ректора, недоуменно разведя руками.

Джоана следила за этой сценой с замиранием сердца. В

университете работала коллегия ректоров, власть не принадлежала одному Пальяресу. И он сильно рисковал своим местом из-за этих многочисленных смертей среди студентов.

– Сеньор ректор, я чего-то не знаю? Какая еще игра? – жала вице-ректор.

– Студентам университетов свойственно играть в масонов, создавать клубы, тайные собрания, сообщества, – с неохотой подал голос тот. – Несколько сообществ действительно существуют со времен основания университета. Есть и современные – КОС³, или коллектив независимости. Факультет философии любит грешить сообществами, посвященными Канту, Гегелю, Кьеркегору. Но в основном они действуют открыто и занимаются простыми вещами: устраивают дебаты, сходки и вечеринки.

Он помолчал, глядя в одну точку.

– А еще студентам свойственно подшучивать друг над другом, – добавил он. – И я задаюсь вопросом, не является ли смерть Лозано следствием чьей-то неудачной шутки. Первокурсников любят... «посвящать». Я говорил с его подругой – Самюэль был очень впечатлительным.

Ректор произнес это тоном человека, бесконечно уставшего от попыток понять, почему его студенты убивают себя. Он сполз с конторки, обошел ее и уселся на складном стуле боком, закинул ногу на ногу, локтем откинувшись на подлокотник. Типичная барьерная поза. Обычно так сажают

³ Координатор профсоюзных работников.

ся те, кому есть что скрывать. Однако в его облике читалась некая спокойная сила, он не нервничал. Будто закрытость позы – своего рода паттерн, который психика уже преодолела, остался лишь след, форма, оболочка привычки.

Вице-ректор сузила глаза.

– Я не позволю все валить в одну кучу, – заявила Мариза Саррио. – За расследование ратовали люди, которые давно метят на ректорское место.

– Мы подняли из архивов все случаи самоубийств студентов в Университете Барселоны, сеньора. Простите, но цифры неутешительные. Трое за двадцать лет и пятеро только за последние два года. Простите, сеньора вице-ректор, это странно. И очень много! – жестикулировал главный инспектор. – И нам придется с этим разобраться.

– Смерти по причине какой-то игры – это, простите, чушь какая-то, высосанная из пальца, – отрезала та. – Когда ректорат подавал заявление в полицию, речь шла о реакции на ковид и изоляцию. В нашей стране число самоубийств с двадцатого года выросло на сорок процентов. Вы, инспектор, сами предоставили эту статистику: основной причиной неестественных смертей лиц с восемнадцати до двадцати пяти лет – добровольный уход из жизни! И не только в нашем учебном заведении. Каждый день по всей Испании погибают десять человек, потому что приняли решение расстаться с жизнью. В сравнении с этим лишь пятеро в сутки становятся жертвами автокатастроф. Есть над чем подумать. Но при чем

тут тайные общества?

Она обернулась к ректору.

– Сеньор Пальярес, вы прочитали замечательную лекцию на собрании сообщества «Жить дальше». Прошу вас, объясните господам полицейским истинную причину происходящего. Молодым людям свойственны метания, сомнения. Головной мозг – в особенности его лобные доли и префронтальная кора – считаются полностью развитыми лишь к двадцати пяти годам. Стойкость, терпимость приходят с возрастом. Разве не это вы говорили родителям, пытаясь их утешить? Разве не это вы говорите студентам, с которыми проводите личные беседы, едва заметив red flags?

Вице-ректор перевела дыхание, добавив:

– Более половины клиентов частной практики сеньора Пальяреса – это студенты, которых он ведет бесплатно в рамках благотворительной акции «Жить дальше». Неужели он не заметил бы опасное тайное общество у себя под носом?

Она вдруг воззрилась на Тео, который не снял перекрестия рук и с отсутствующим лицом смотрел в пол. Он будто сейчас не слушал. На женщину и внимания не обратил.

– Сеньор Пальярес является спонсором основанного в двадцать первом году родственниками жертв самоубийств общества «Жить дальше», – объяснила вице-ректор. – Явление добровольного ухода из жизни в постковидное время стало серьезной социальной проблемой. Нам прямо сейчас нужно разобраться в том, что происходит, – нервничала Ма-

риза Саррио. – А вы пытаетесь внести какую-то смуту, придумываете тайные общества, клубы и игры. Это несерьезно! Совершенно несерьезно после долгих попыток нашего ректора объяснить причины деструктивного мышления у последнего поколения молодежи.

– Мы для этого здесь! – воскликнул Ивес Вила. – Чтобы разобраться.

– Мне известно, что на расследовании настаивают менеджер университета, директор по персоналу и Генеральный секретарь. И все это началось не просто так, а в преддверии новых выборов в ректорат, – обиженно добавила Мариза Саррио.

– Все нормально, Мариза, – мягким движением руки остановил ее Пальярес. – Я тоже заинтересован в расследовании. И полиции нужно отсеять версию о тайном обществе, всплывшем в результате смерти Самюэля Лозано. Кроме того, пора бы перейти к плану, который они предлагают.

Мариза Саррио в ожидании скрестила на груди руки. Ивес Вила замялся:

– Еще до появления Самюэля Лозано мы решили, что дело будет передано в руки старшего инспектора Теодора Кастани и его помощницы Джоаны Морера. Им будет помогать криминальный аналитик, профайлер Гаэль Солер. Теодор Кастани – отличный полицейский, превосходный детектив, он в прошлом священник, умеет развязывать языки и проникать в людские души.

Джоана украдкой посмотрела на Тео, лицо которого потемнело еще больше. Он и так стоял мрачнее некуда. Ему не нравилась такая реклама из уст начальства.

– В общем, Кастани пасет Лозано уже месяц, – продолжил Вила. – Когда Самюэль Лозано залез на мост Калатравы, Кастани был на задании, увы, часа не хватило. Но обошлось. Потом выслеживали еще три дня... Старший инспектор должен был вмешаться и расстроить планы заблудшей души... Но мы не знали, что парень взял с собой капсулу с цианидом! Этого никто не знал. Я сам слышал через «жучки», как инспектор Кастани пытался его отговорить. Я бросился к ним, бежал со всех ног. С нами был врач, мы были готовы ко всему, кроме цианида – антидота у нее не было! И не успели... И черт возьми, мне больно это повторять уже в десятый раз. На моих глазах сегодня умер молодой человек, который мог быть моим братом, сыном, племянником! Я сам дал ему умереть. Прошу простить эти неуместные эмоции...

Вила отвернулся. Лицо Маризы Саррио смягчилось. На ее щеках появился румянец, взгляд стал смущенным. Видимо, она наконец осознала, что погорячилась, защищая ректора.

– Я понимаю, что всем вам пришлось сегодня пережить нелегкое испытание.

Ивес Вила закрыл лицо руками и сел на стул, опустив локти на колени. Он сделал шумный вздох и тотчас выпрямился, резко убрав от лица руки, точно вспомнив, какую должность занимает и что ему не пристало распускать нюни.

– У нас есть план. Сеньор Пальярес, думаю, лучше, если вы сами его озвучите, – выдавил он.

Ректор откинулся на спинку складного стульчика, передние ножки приподнялись, он качнулся, размышляя о чем-то. Мариза Саррио смотрела на него с некой долей настороженности.

– Не стану ходить вокруг да около. Нам нужно, чтобы кто-то из полиции поработал под прикрытием, – проговорил он, медленно цедя слова. – Э-э, только в старом кампусе, поскольку смерти коснулись пока математического и филологического факультетов. Это, разумеется, с согласия всего ректората.

Мариза Саррио приподняла одну бровь.

– В университет принимаются граждане до сорока пяти лет, поэтому возраст не станет препятствием, чтобы затеяться в среду студентов и последить за ними, – подхватил инспектор Вила. – Так мы сможем узнать, чем они живут, чем дышат... И попытаемся выяснить, что за игра навывлет действует среди неокрепших умов. Если, конечно, таковая существует.

Джоана ничего подобного не ожидала. Она с удивлением посмотрела на Тео, который безэмоционально сверлил взглядом пустоту. Может, батарея села? Не нравилось Джоане его лицо, он будто занят другими мыслями. Гаэль тоже не проявил никаких признаков участия, он спокойно сидел, закинув ногу на ногу.

– Я готов! – Тео вдруг очнулся, точно кто-то нажал на кнопку. – Меня здесь никто не видел. Прежде дело вели другие инспектора.

На лице вице-ректора мелькнула снисходительная улыбка, она наклонила голову.

– Я поняла ваш план, – сказала она, помолчав немного. – Это весьма оригинально. Но боюсь, невозможно. Или мы должны внести некоторые коррективы.

– Что за коррективы? – нахмурился Тео.

– Инспектор, вы, наверное, блестящий специалист, – повернулась к нему преподавательница математики. – Но вы не подходите на роль студента! Возможно, что вас никто не узнает, но вы не сможете работать в университете. Стоит пересмотреть кандидатуру на роль тайного соглядатая. Возможно, я смогу отобрать кого-нибудь из исследовательской группы и...

– Неужели? И почему же я не подхожу? – прервал ее Тео. Джоане показалось, что он начинает выходить из себя.

Лицо вице-ректора осталось бесстрастным.

– Вынуждена говорить прямо. Вы полицейский, видели смерть, возможно, убивали по долгу службы. Ваша психика много лет подвергалась большим испытаниям. Я не смогу позволить вам работать с детьми.

– Со студентами, – поправил Тео. – Это не дети, а студенты – созревшие личности. Критическое мышление достаточно сформировано уже у подростков.

– Вы ошибаетесь, инспектор, – подал голос ректор. Его лицо ожесточилось. – Это дети. Это неокрепшие умы. Вице-ректор права. Мы не имеем права рисковать ими.

Тео молча поднял ладони, сдаваясь.

– Погодите, – оживился Ивес Вила, удивленный такому внезапному упрямству ректоров. – Но вы-то не были раньше против? – он повернулся к Пальяресу.

– Я сказал, что подумаю, – отрезал ректор холодно. – А сейчас я вынужден отказать.

Он поднялся, прошелся по аудитории, скрестив на груди руки, глядя в пол. Пиджак на его спине натянулся, обозначив крепкие мышцы – несмотря на почтенный возраст, ректор Барселонского университета, видимо, не пропускал тренировки. Джоана мысленно вернулась к его резюме, попытавшись вспомнить год рождения.

– Комиссар Гонсалес обмолвился, что у вас непростой характер, инспектор, что вы не всегда отчитываетесь в своих действиях, – начал он мягко. – Он сказал также, что это часть вашего нестандартного метода. Мы собираемся доверить вам самое дорогое, что у нас есть. наших воспитанников.

– Хорошо, – Вила подался вперед. – Если Тео Кастани не подходит, тогда, может, криминалист Гаэль Солер? Мы обговаривали оба варианта. Он учился в этом университете, знает его как свою ладонь.

– Гаэль Солер тоже не подойдет. – Эстеве Пальярес оста-

новился, устало посмотрев на того. Джоана с беспокойством заерзала на стуле.

В аудитории на некоторое время повисло молчание.

– В вашей команде есть еще один человек, – напомнил ректор и повернулся к Джоане.

– Джоана Морера, – выпрямилась та, словно бойскаут. – Окончила Университет Помпеу Фабра, факультет права, курс подготовки в Институте общественной безопасности Каталонии, стажировалась год в городе Льейда в качестве агента-практиканта при региональном отделе уголовной полиции. Год служу младшим инспектором в корпусе «Мос-сос д’Эскуадра» и...

– Одну ее не пущу, – оборвал ее Тео.

У Джоаны забилося сердце. Ох, это так мило, начальник заботится о ее безопасности!

Пальярес недоуменно приподнял бровь.

– Она еще новичок, – отрезал Тео. – Мы с вами договаривались насчет меня. Я в вашем распоряжении. Морера не подходит.

Джоана насилу удержалась от улыбки, закусив губу.

– Почему вы заинтересовались этим делом? – Пальярес обошел стол и прислонился к подоконнику, встав рядом с Тео. – Вы ведь сами выбираете то, над чем работать. И, кажется, чувствуете себя так, будто над вами нет никакого начальства.

Тео промолчал.

– Нет, так не пойдет! – возмутился инспектор Вила, обращаясь к ректору. – Мы вам предоставили все сведения, ввели в курс дела. А вы на попятную? Вы хотите, чтобы меня сейчас инфаркт хватил? Что вы тут устроили: буду – не буду.

– Можете взять кого-то другого, – выдавил Тео.

– Но кроме вас никто не возьмется за это дело! – вскричал Вила. – Комиссар Гонсалес рассчитывал на вашу помощь. Как же так, Кастан? Вы бросите нас? Университет? Детей?

Тео скривился, будто хлебнул лимонного сока, и накрыл пальцами веки.

– Seriously? – взорвался он. – Никто не возьмется? Хотите руками младшего инспектора, которая в должности неполный год, замести какие-то свои грешки? – и Тео повернулся к ректору: – Считаете, я не заметил, как вы мечетесь? И это выглядит весьма подозрительно.

Вила побледнел, Тео посмотрел на него в упор.

– Думать забудьте. Морера одной идти не позволю.

Ректор оттолкнулся от подоконника и сделал медленный круг по аудитории.

– Хорошо! – выдохнул он. – Тогда отправляйтесь оба. Джоана за вами присмотрит.

Главный инспектор развел руками в жесте облегчения.

– Верно! Мысль прекрасная! Теперь-то вы согласны, Кастан?

Тео бросил на Джоану сожалеющий взгляд, словно он знал что-то такое об этом университете и этом деле, чего не знала

она. И заранее просил прощения.

– Может, спросите ее сами? – глухо проронил он.

– Я согласна! – воскликнула Джоана.

Старший инспектор продолжал смотреть на нее с непреодолимой грустью и беспомощностью. Джоана никак не могла понять, что с ним сегодня такое творится?

– Итак, – ректор внезапно хлопнул в ладоши, точно возвращая пациента из гипноза. И решительно прошел за конторку, сел, придвинул к ней стул и положил локти на столешницу.

– Вас зачислят в студенты университета на математический факультет, – заговорил он с учительской непреклонностью. – Все серьезно! Учеба начнется в середине сентября. Вы будете посещать лекции, делать домашние задания. Жилье лучше снять поблизости. Но Джоане я мог бы порекомендовать комнату, которую сдают в моем доме. Соседка по лестничной площадке как раз ищет жильца.

– Благодарю! – сказала Джоана. – Но я снимаю квартиру в Сант-Жерваси.

– Никаких дорогих районов. Никаких следов того, что вы из полиции. Вы будете принимать у себя ваших будущих друзей. Поэтому комнаты должны походить на студенческие. Не стоит сорить деньгами. Полагаю, служба приносит недурной доход, коли вы живете в Сант-Жерваси... Но теперь придется затянуть пояса, хотя бы для вида.

– Хорошо, – выдохнула Джоана, глянув на Тео, который

оставался таким же мрачным, как и весь разговор.

Гаэль тоже никак не отреагировал на заявление ректора. Согласен ли он со всем этим или нет? Тео и Гаэль дружили с академией, Джоана часто их видела вместе.

– Все документы вам выдадут к концу недели, сообщат, куда следует явиться. Остальное будете узнавать вместе с первокурсниками. Студентами по обмену я решил вас не делать. Лучше, если начнете учебу с новичками. Джоане двадцать восемь, Теодору Кастани – тридцать семь. Студентов такого возраста полно, подозрений не вызовет.

Ректор поднялся.

– Что ж, – его ладони соединились, точно у пастора, благословляющего свой приход под сводами церкви. До чего он лихо все провернул! Сразу видно – человек дела.

Джоана поднялась, сцепив перед собой пальцы, как ученица гимназии. Она и отчета себе не отдавала, что смотрит на ректора точно на божество.

Все стали выходить, вице-ректор Мариза перебросилась с Гаэлем несколькими фразами, они распрощались, чмокнув друг друга в щеки, будто после приятной дружеской встречи. Джоане она пожала руку, а Тео отправила короткий кивок.

Они выходили, когда за их спинами раздался негромкий голос Пальяреса:

– Инспектор Кастани, не задержитесь на минуту? Пара слов, не более.

Джоана обернулась, увидев остановившихся на пороге

аудитории ректора и Тео, замялась, но Гаэль сжал ее локоть и потянул по ступенькам. Он отпустил ее только в холле, обошел колонну и поманил к себе. Вынув из уха один из крохотных наушников, из тех, что в полиции использовали для прослушек и связи друг с другом, он отдал его Джоане.

– Боюсь, тебе придется кое-что узнать.

Джоана с холодным и липким чувством страха взяла из рук друга Тео микронаушник. Они стояли в пустом холле среди этих спаянных колонн, под сводами аркад и слушали очень странный разговор.

– ...теперь вы не сможете от меня бегать. Мы работаем над одним делом и оба несем большую ответственность, – говорил ректор. – Вы профессионал в своей сфере, я – в своей. Вы поможете мне, я обязан помочь вам.

– Не понимаю, что вам от меня нужно, – Тео защищался, его голос был не тверд.

– Вам нужна помощь, – строго оборвал его Пальярес.

– Не нужна.

– У вас ломка, это же очевидно. Поэтому я не хотел доверять вам своих студентов. Я знаю, что вы чувствуете. Через мои руки прошли не только сотни подростков и молодых людей, в том числе и девушек. Я потерял сына и едва не потерял внука. Для меня каждый такой взгляд – острый нож.

– Бред какой-то. Мне не нужна ничья помощь! – Тео, казалось, застигнут врасплох. По тону слышно, что ему не хочется беседовать с этим человеком и он готов провалиться

сквозь землю.

– Вы взялись за это дело, потому что вас тоже тянет... Влечет к смерти! Я вижу, что вы отдаете себе отчет в том, что эти ваши мысли деструктивны, но и осознание, что вся ваша жизнь – напрасная трата времени, давит вот здесь...

С бледным лицом Гаэль вырвал из уха микронаушник.

– Вот прицепился! – выругался он.

Джоане тоже пришлось вынуть микронаушник.

– Он бросил прием антидепрессантов. Это может плохо кончиться. Потому что ломка – мама не горюй. Первые две недели чуть сам из себя не вылез. Кризис вроде миновал, но он едва держится. Ректор раскусил его. Я говорю тебе это, потому что вы напарники. Чтобы ты не устраивала ему скандалов, если заметишь, что что-то не так.

– Какие антидепрессанты? – зашипела Джоана. – Он полицейский! Он ведь проходил медицинский контроль и психологическое тестирование.

– Я знаю, что это неправильно, Джоана, – Гаэль положил ей руку на плечо. – И ты вправе его заложить.

– Что? Но что у него? Хотя бы стабильное состояние? Медики зафиксировали то, что он вменяем и его лекарства не влияют на службу?

– Он вменяем. Более вменяемого человека я и не знаю. Он живет своей службой. Но лекарства пил втайне. – Гаэль посмотрел на нее с горечью. – Пусть лучше он сам тебе скажет. Но спрашивать я бы не советовал.

– Я должна буду донести главному инспектору.

– Вила знает.

– Что?! – Джоана едва не подпрыгнула.

Но, взяв себя в руки, стала лихорадочно размышлять.

– То есть он просто принимает антидепрессанты? – тихо прошептала Джоана, все еще не веря своим ушам.

– Да. И резко решил бросить.

– Почему?

– Вила грозит отправить его на контроль.

– Вот, значит, какие у них отношения? Начальник шантажирует своего подчиненного? Что же мне делать, Гаэль? Я должна донести начальству.

– Возможно, это будет правильно.

– Ты нарочно мне это сказал? Тео что-то задумал? Ты хочешь ему помешать?

Профайлер смотрел на нее некоторое время, но ничего не ответил, сунул микронаушник в ухо и стал дальше слушать беседу Тео и ректора. Джоана невольно последовала его примеру.

– ...вот моя визитка, на ней номер мобильного. Звони в любое время. Я выслушаю.

– Хорошо, – буркнул Тео.

– Просьба о помощи – это не проявление слабости. В наш век сплошь самостоятельных и крутых ребят, это поистине сила. Мы все друг от друга зависимы, связаны невидимыми нитями. Мы должны друг другу помогать. Это твоё состоя-

ние – точно болезнь, словно рана. Это как если бы ты был ранен в руку... Ты бы пошел в больницу и попросил ее перебинтовать? Да. Не стал бы руку отрезать? Да. Понимаешь, о чем я?

– Да, – угрюмо повторил Тео. Джоана не верила своим ушам. Этот человек был гипнотизером! Он заставил Тео – непреклонного, негиббемого Теодора Кастани – согласиться, сказать «да». И он, кажется, взял визитку!

Джоана показала пальцем на ухо, безмолвно вопрошая Гаэля: «Ты тоже это слышишь?» Тот лишь горестно покачал головой.

III

Сказки барселонской бабушки

Гаэль и Джоана вышли из здания университета, почти сразу же показался в дверях и Тео. Сосредоточенный и мрачный, он двинул к своему «Альфа-Ромео», припаркованному в веренице машин, байков и велосипедов.

– Ты так долго говорил с ним, – не удержался Гаэль. Он явно переживал за друга.

– Мать Тереза, – подытожил Тео, скривившись. – В психоаналитики навязывался.

Гаэль ответил своей фирменной кривой улыбкой в одну сторону. Джоану осенило, что между ними произошел весьма содержательный безмолвный диалог. «Зачем спрашиваешь, ты ведь сам все прекрасно слышал», – промелькнуло в глазах Тео. «Затем, что твое состояние заметно незнакомым чужим людям», – взглядом ответил Гаэль. «Плевать», – зыркнул Тео, отвернулся и открыл дверцу машины.

Подъехал черный внедорожник «Сузуки Гранд Витара», опустилось стекло, и показалось лицо Ивеса Вилы, сидящего на пассажирском сиденье. За рулем младший инспектор Агирре, который раньше занимался университетом и допрашивал студентов.

– Куда собрались? – бросил Вила. – Есть дело. Только

что в полицию позвонила пожилая женщина, которая сдавала комнату одному из студентов, что покончил с собой прошлой зимой, – Пабло Серрано. Она созналась, что нашла капсулу в его комнате, но думала, что это бриллиант, и сохранила его.

Тео фыркнул.

– Нужно ее обработать, пока горяченькая. Не думаю, что старуха, пережившая эпоху Франко, не знает, как выглядит цианид. Я поеду с вами.

Гаэль переглянулся с Тео. Главный инспектор, который никогда не покидал своего кабинета, едет на вызов. Теперь Джоана понимала почему – он не доверял Тео, узнав, что тот на антидепрессантах. Зачем было тогда его толкать на это задание? Университет, студенты – это не шутки.

– Улица Де Брук, сто сорок шесть? – машинально спросил Тео, который помнил адреса и телефоны всех подозреваемых и свидетелей всех дел, которые вел. И сел за руль, Гаэль – на переднее сиденье, а Джоана – сзади.

Они объехали главный корпус университета, полукруглое здание факультета филологии, и двинули по тенистой улице Арибау. За окошечком черного «Альфа-Ромео» замечали здания с террасами и бельведерами, чугунным кружевом, барельефами, жалюзи и граффити.

«Каррера Де Брук» – прочла Джоана надпись на углу дома, и «Альфа-Ромео» остановился. Высокая светлого дерева подъездная дверь распахнута, над ней табличка «146», в

подвале – кафе «Фрихолес негрос», из которого тянуло ароматами кофе и свежее испеченного хлеба.

На третьем этаже их встретила низенькая дама лет восьмидесяти с седой буклей на голове и розовой помадой на морщинистых губах. Серая юбка и зеленый тонкий свитер идеально выглажены, на ногах старомодные туфельки с изящными каблучками. Джоана улыбнулась: типичная барселонская бабушка.

Та деловито застрекотала по-каталонски. В прошлом году, сказала она, подала документы на участие в программе, по которой одинокие пожилые люди бесплатно предоставляли комнаты в своих квартирах студентам Университета Барселоны. Программа *Vivir y conviure* была создана для поощрения и укрепления отношений между поколениями и предназначена для молодых людей до тридцати лет, не имеющих жилья и работы в Барселоне. В обмен пожилые люди получали общение и помощь по хозяйству.

Но она и помыслить не могла, что на четвертый месяц юный квартирант, студент филологического, второкурсник, который радовал ее знанием каталонского, поэзией Габриэля Ферратера, читал Данте наизусть, ни с того ни с сего повесится на чугунной ограде террасы.

Сеньора Каридад ввела компанию следователей в комнату, в которой жил покойный Пабло.

Джоана шла позади всех, глаза по сторонам. Жилье почтенной старушки представляло собой некую инкрустиро-

ванную шкатулку. Мозаичные полы, деревянные панели-буазари, темно-зеленые полосатые обои, ярко-красные тканые ковры, множество разных этажерок, сервантов с блюдами, книжных шкафов на изогнутых ножках. Джоана невольно посмотрела на Гаэля, тот дернул подбородком, глазами предлагая взглянуть наверх. В гостиной, куда они вошли, оказался совершенно потрясающий потолок с кессонной лепниной и двумя прямоугольными фресками, изображающими смеющихся ангелочков.

Окон в квартире не было, как и положено в домах в Эшампле, – только двери. И выходили они на террасы. Белые рамы со следами времени, тяжелые кроваво-алые с золотой бахромой шторы и врывающийся в изысканную тесноту квартиры свет барселонского солнца, падающий квадратами на мозаичный пол. Джоана не была художником, но сердце защемило от желания взяться за холст и кисти.

– Почему он повесился, а не воспользовался ею? – вернул Джоану в реальность приглушенный голос Тео Кастани.

– Понятия не имею! Я и не знала, что это за вещь... Пока не посмотрела сегодняшний выпуск новостей. Это какой-то совершеннейший ужас, будто вернулись времена партизанских войн фалангистов с «маки». Лет шестьдесят я не слышала, чтобы кто-то умирал, раскусив капсулу с ядом!

Джоана и Гаэль нехотя оторвались от созерцания вещичек на полках, фотографий и картин и вошли в небольшую комнату с дверью на террасу. В дальнем углу стоял орехового

дерева старинный платяной шкаф и простая железная кровать с прямоугольным изголовьем. За дверью прятался современный компьютерный стол и черное офисное кресло.

— Эту комнату когда-то занимал мой внучатый племянник. Он тоже учился на филологическом. Я ничего здесь не меняла, когда предложила университету свои услуги.

Она прошла к платяному шкафу, скрипнула дверцей, вынув красную бархатную коробочку, в таких обычно держали помолвочные кольца.

— Родственники должны были забрать все его вещи, но вот *это* почему-то осталось лежать в углу на самой дальней полке, — сказала она и передала находку Ивесу Виле.

Тот надел перчатки, открыл коробочку, подцепил пальцами похожую на горошину стекляшку и поднял ее к свету.

Все обступили его. Джоана подошла со спины главного инспектора и привстала на цыпочки. Внутри капсулы тонкого стекла (или какого-то иного прозрачного материала, похожего на стекло) пересыпался по виду целый грамм белого кристаллического порошка.

Не подошел к Ивесу только Тео, он с самого начала, обойдя комнату студента лишь раз, прислонился спиной к стене рядом с дверью на террасу и, скрестив на груди руки, равнодушно смотрел в пол.

Выждав момент, когда Джоана посмотрит на него, он ответил выразительным взглядом и стрельнул зрачками в сторону старушки. Джоана сообразила, что нужно начать бесе-

ду. У них уже сложилась определенная стратегия ведения допросов, которой ее обучил инспектор Кастани. Когда подозреваемого допрашивали в естественной для него обстановке, не делая акцента на допросе и ведя беседу «между прочим», начинать должна была Джоана, чтобы допрашиваемый не напугался преждевременно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.